

РУССКАЯ ГЕРМАНИСТИКА

ЕЖЕГОДНИК
РОССИЙСКОГО СОЮЗА
ГЕРМАНИСТОВ

*Издается по поручению
Президента Российского союза германистов
А. В. Белобратова*

ТОМ VI

ГРАНИЦА В ЯЗЫКЕ, ЛИТЕРАТУРЕ И НАУКЕ

VI СЪЕЗД РОССИЙСКОГО СОЮЗА ГЕРМАНИСТОВ
САМАРА, 9—11 ОКТЯБРЯ 2008 ГОДА

Организаторы:

Н. Т. Рымарь (СамГУ, СаГА), С. И. Дубинин (СамГУ)

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2009

ББК 80
Р 88

Редколлегия:

Н. С. Бабенко (отв. редактор лингвистической части),
Н. А. Бакиш (отв. редактор литературоведческой части),
А. В. Белобратов, С. И. Дубинин, А. И. Жеребин, Д. Кемпер,
Н. В. Пестова, Л. Н. Полубояринова, Н. Т. Рымарь, Н. Н. Трошина

Рецензенты:

д. ф. н. Е. Ф. Тарасов (Институт языкознания РАН),
д. ф. н. Д. Л. Чавчанидзе (Московский государственный университет)

Р 88 Русская германистика: Ежегодник Российского
союза германистов. Т. 6. — М.: Языки славянской
культуры, 2009. — 432 с.

ISBN 978-5-9551-0365-5

В настоящую книгу включены тексты докладов шестой конференции Российского Союза германистов «Граница в языке, литературе и науке», на которой были представлены исследования отечественных и зарубежных германистов — литературоведов и лингвистов. Ежегодник продолжает издание публикаций по материалам конференций, проводимых в рамках РСГ. Включенные в сборник статьи отражают проблематику, связанную с идеей выделения границ между явлениями, изучаемыми литературоведами и лингвистами. Материалы ежегодника отражают современное представление о проблемах разграничения объектов и явлений как универсальном подходе, широко используемом специалистами в области немецкого языка и немецкоязычной литературы.

ББК 80

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-9551-0365-5

© Авторы, 2009

© Языки славянской культуры, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7
-------------------	---

Литературоведение

В. Х. Гильманов. «Последняя граница» в поэзии Симона Даха	11
Н. С. Павлова. Поэзия Рильке и проблема границы	23
А. В. Ерохин. Мотив границы в лирике Ингеборг Бахман	31
В. Д. Седельник. О границе между экспериментальной поэзией и «прикладной» лирикой (на примере творчества Вальтера Меринга)	41
И. М. Мельникова. Художественное время и пространство как граница (На материале лирики Й. Бобровского)	50
Т. В. Кудрявцева. Границы стихотворных жанров в современной немецкой поэзии	59
Т. Н. Андреюшкина. Сонет как игра, или границы игры для сонета (на материале немецкого сонета)	70
Karl Eimermacher. Semiotik und Philologie	77
Г. В. Стадников. Ф. И. Буслаев и вопрос о границах национального и интернационального в свете русско-немецких культурных связей	86
Г. А. Лошакова. «Переход границы» как факт творческой биографии и элемент хронотопа произведений Ч. Зилсфилда	92
А. В. Елисеева. Нарушение границы как один из основных структурообразующих принципов новеллы Т. Шторма «Всадник на белом коне»	101
С. В. Тураев. Парадоксы новеллы Бюхнера «Ленц»: о границах романтизма	109
А. И. Жеребин. Вагнер в оценке русских символистов	117
А. И. Мальчуков. Мингер Пеперкорн: «священное» и «классическое» (К вопросу о границах художественных миров Герхарта Гауптмана и Томаса Манна в «Волшебной горе»)	125
Т. А. Федяева. Карл Краус и Фердинанд Эбнер: автор-ритор и проблема границы	134
Ю. А. Цветков. Структурообразующая функция границы в драме Гуго фон Гофманстала «Глупец и Смерть»	143
В. Г. Зусман. Граница в художественном мире Кафки	152
С. П. Таишкенов. Граница мышления, языка и диалога у Томаса Бернхарда ...	160
Monika Schmitz-Emans. Schreiben als Grenzgang. W. G. Sebalds Texte als Reflexion über Grenzen und Entgrenzungen	165
В. Н. Ахтырская. Семиотика рамки на примере прозаических зарисовок В. Г. Зебальда	178
В. А. Пестерев. Двуприродность романа Петера Хандке «Дон Жуан»: границы «эссеистического» и «поэтического»	187
Silvia Bonacchi. Grenzen des Menschlichen und Grenzen der Darstellbarkeit am Beispiel von Elfriede Jelineks <i>Babel</i>	197
Alina Kuzborska. Emigration und erinnerte Geschichte (n) in den Romanen von Vladimir Vertlib	215

Лингвистика

<i>N. R. Wolf.</i> Große und kleine Grenzen der Sprache und in der Sprache	226
<i>Н. А. Ганина.</i> Граница в языковом и культурном пространстве Рюгена	237
<i>P. N. Dones.</i> Limologie: nicht nur und nicht vornehmlich Geographie	246
<i>А. В. Павлова.</i> Лексическая лакунарность и гипотеза лингвистической относительности.....	254
<i>В. Т. Двинская.</i> Классификация как способ определения границы знания	260
<i>Р. В. Белютин.</i> Антропоцентрические границы языка.....	268
<i>О. А. Нужи́дина.</i> Опыт ментальной интерпретации понятия <i>языковая граница</i> (на примере современной многоязычной Швейцарии).....	275
<i>Н. В. Герасименко.</i> Национальное варьирование в языке конституционного права как барьер профессиональной коммуникации.....	284
<i>J. Schuitalla.</i> Soziale und interaktive Ausgrenzung im Gespräch. Beispiele aus dem Alltag und aus der Literatur	289
<i>Е. В. Милосердова.</i> Лингвистические аспекты разграничения косвенных и имплицитных речевых актов	303
<i>Т. В. Гречушников.</i> Граница как фактор успешности экспериментальной коммуникации	311
<i>М. Е. Федотова.</i> Берлинский урбанолект в контексте молодежной музыкальной культуры.....	321
<i>M. Pieklarz.</i> Gesprochene Sprache in der philologischen Sprachausbildung — Grenzen und wechselnde Herausforderungen	330
<i>Э. Б. Яковлева.</i> Хезитации как релевантный пограничный сигнал в речевом коде носителей немецкого языка	341
<i>О. А. Кострова.</i> Текст и дискурс: границы и переходы	348
<i>Н. В. Муравлёва.</i> Национально-культурное своеобразие художественного текста и перевод	356
<i>Н. Н. Трошина.</i> Стилистическая эквивалентность перевода и преодоление ментальной границы	363
<i>В. Б. Меркурьева.</i> «Границы» немецкого юмора (сравнительный анализ диалектных и литературных пословиц).....	372
<i>G. Pawlowski.</i> «Freiheit» — zu Problemen der Lexemgrenzen aus semantischer Sicht	381
<i>Н. В. Ушкова.</i> Когнитивная интерпретация категории глагольной полуслужебности как одного из пограничных феноменов языка	395
<i>С. И. Горбачевская.</i> Разграничительные функции немецких частиц в научных текстах	403

Рецензии

<i>А. Л. Вольский.</i> Михайлов А. В. Избранное. Завершение риторической эпохи. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2007.....	411
<i>Р. В. Гуревич.</i> Deutsch-russische Germanistik. М., 2008.....	414
<i>А. Н. Полубояринова.</i> Данилина Г. И. Историчность литературного произведения в работах А. В. Михайлова: [моногр.] / Г. И. Данилина. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2007.....	417
<i>А. А. Ноздрина.</i> Незнаменательная лексика: от коллоквиалистики и партикологии к дискурсу.....	420

ОТ РЕДАКЦИИ

В предлагаемом читателю очередном томе «Ежегодника РСГ» публикуются материалы научной конференции «Граница в языке, литературе и науке» (Самара, 9—11 октября 2008 года), которая проходила в рамках VI съезда Российского союза германистов, ставшего значительным событием в научной жизни Самары. Участники форума положительно отзывались о практике проведения съездов и конференций РСГ в различных регионах России. Тема съезда связана с кругом проблем, которые в течение нескольких последних лет разрабатываются в рамках русско-немецкого научно-исследовательского проекта «Граница и опыт границы в языках искусств» коллективом Института культуры стран немецкого языка Самарской гуманитарной академии в сотрудничестве с немецкими коллегами под руководством проф. Герхарда Плумпе (Рурский университет, Бохум, Германия) и проф. Николая Рымаря (Самарская гуманитарная академия). Проект осуществляется в рамках программы партнерства институтов германистики «Бохум — Самара» при поддержке Германской службы академических обменов.

Президиум РСГ благодарит сотрудников Самарского государственного университета, Самарской гуманитарной академии и Самарского государственного педагогического университета за организацию и проведение нашего форума.

На пленарных заседаниях и на заседаниях десяти секций конференции было прочитано свыше 110 докладов (докладчики из Германии, Польши, Украины, Казахстана и России) при активном участии молодых ученых-германистов.

Большинство докладов, прозвучавших на съезде, публикуется в предлагаемом вашему вниманию шестом томе «Ежегодника РСГ», часть докладов вошла в «Вестник Кабардино-Балкарского государственного университета» (Нальчик), в сборник кафедры немецкой филологии Самарского государственного университета «Феномен границы в языке и литературе», в сборник «Литературоведение и герменевтика. Феномен границы» Самарской гуманитарной академии и в ежегодник «Jahrbuch der Österreich-Bibliothek in St. Petersburg». На сайте РСГ <http://www.daad.ru/rsg> будут представлены данные обо всех опубликованных работах.

В первом разделе «Ежегодника» («Литературоведение») проблема границы освещается в статьях исследователей, концентрирующих свое внимание на философско-экзистенциальной перспекти-

ве (работы В. Х. Гильманова, Н. С. Павловой), мотивной (статья А. В. Ерохина), жанровой (работы В. Д. Седельника, Т. В. Кудрявцевой, Т. Н. Андреюшкиной) и хронотопической (И. М. Мельникова) особенностях немецкоязычной поэзии. Статья Карла Аймермахера развернута в сторону обозначения и осмысления методологических границ филологического исследования в контексте семиотики. Г. В. Стадников и А. И. Жеребин посвятили свои работы освещению «межкультурного пограничья» на протяжении XIX столетия вплоть до рубежа веков. Внимание к границе как факту творческой биографии определяет исследования Г. А. Лошаковой, Моники Шмиц-Эманс и Алины Кузборской. Структурная функция границы, рамки и порога представлена в статьях А. В. Елисеевой, Ю. Л. Цветкова, В. Н. Ахтырской и В. А. Пестерева. Проблематика границы в художественных мирах, создаваемых немецкоязычной литературой, составляет доминанту работ Л. И. Мальчукова, В. Г. Зусмана и Сильвии Боначчи. Т. А. Федяева и С. П. Ташкенов посвятили свои исследования интердискурсивным границам литературного текста. В присланном (и публикуемом посмертно) докладе С. В. Тураева предпринята попытка описания границ целой литературной эпохи.

Во втором разделе «Ежегодника» («Лингвистика») представлено несколько статей по проблемам общего характера, связанным с идеями и задачами разграничения языков и явлений в языке (статья Н. Р. Вольфа), с новым концептуальным толкованием феномена «граница» в сфере современной политической географии (П. Донец), с принципами построения лингвистических классификационных сеток (В. Т. Двинская), с антропоцентрическими основаниями выделения границ в языке (Р. В. Белютин). В статье О. А. Костровой говорится о границах и переходах между понятиями «текст» и «дискурс». Языковые границы как территориальные, культурные и ментальные явления и их пересечения обсуждаются в статьях О. Л. Нуждиной (на материале многоязычной Швейцарии), Н. В. Герасименко (на примере языка конституционного права в немецкоязычных странах), Н. А. Ганиной (на материале культурных и языковых реликтов острова Рюген), М. Е. Федотовой (на примере берлинского урбанолекта).

Несколько статей посвящено изучению границ, в которых проявляет себя разговорная речь (Й. Швиталла, Е. В. Милосердова, М. Пикларж, Э. Б. Яковлева). Границы художественной речи как особой коммуникации в статьях Т. В. Гречушниковой, Н. В. Муравлёвой. Проблемы разграничения лексем в русле семантических исследований рассматриваются в статьях А. В. Павловой и Г. Павловского. Пограничные явления в грамматике находятся в центре внимания таких авторов, как Н. В. Ушкова (проблемы полуслужебности) и С. И. Горбачевская (разграничительные функции частиц). Вы-

деление границ как проблема стилистических интерпретаций рассматривается в статьях Н. Н. Трошиной и В. Б. Меркурьевой.

«Ежегодник» содержит также рецензии на новейшие публикации отечественных германистов в области литературоведения и лингвистики.

Президиум РСГ благодарит за поддержку Немецкую службу академических обменов (DAAD, Бонн) и Австрийский культурный форум при Посольстве Австрии (Москва).

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

В. Х. ГИЛЬМАНОВ

(Российский государственный университет им. И. Канта)

«ПОСЛЕДНЯЯ ГРАНИЦА» В ПОЭЗИИ СИМОНА ДАХА

Тайна поэзии остается тайной «свободного духа», независимо от того, с какой стороны «Света» или «Тьмы» он приходит. Поэзии трудно вписаться в рамки природной имманентности (Шеллинг) или априорной трансцендентальности (Кант). Она всегда сохраняет загадочную свободу «гетерогенного сквозняка», заносящего в земной хронотоп сведения о состоянии мира и человека и причащающего поэта и читателя к этому состоянию. В барокко поэтический дух был духом причащения к состоянию нарастающего апокалиптического напряжения мира, поэтому главными темами поэзии барокко были Смерть и Спасение, но прежде всего Смерть, и без решения проблемы Смерти, или даже «объявленной смерти», добраться до сути этой «переходной эпохи» невозможно. Барокко кажется иногда эпохой последней танатологии, то есть последним историческим «промежутком», когда Смерть воспринималась именно экзистенциально, а не абстрактно-аксиоматически, как после барокко. Следует непременно это чувство иметь в виду, пытаясь понять поэтику барокко, ее особую «переходную специфику». Барокко — первая художественная эпоха в истории европоцентрической культуры, которая отчетливо показала, что при всех различиях национально-культурных этносов, религий и других особенностей, при всех центробежных силах культурно-цивилизационного разнообразия у человечества независимо от всех и вся есть один общий знаменатель, своеобразный интеграл общей судьбы, а именно — нарастающая хрупкость и бренность жизни, дарованной миру. Именно барокко, предвосхитив многие болезни современного и постсовременного человечества, открыло парадигмальный характер «игры», однако не только в эстетическом плане, но и в онтологическом и антропологическом, как своеобразную игру мира с Жизнью и Смертью. Именно барокко показало, что человечеству грозит глобальная опасность «заиграться насмерть», поскольку «игровой люфт» цивилизационных колес может достичь критического предела и сбросить повозку бытия с ее «стогом сена» (И. Босх) в пропасть небытия. Именно барокко открывает экзистенциальную доминанту Смерти, тематизируя свое открытие в по-

эзии XVII века. Важно подчеркнуть, что в отличие от современного отношения всеобъемлющее господство Смерти переживается в барокко не в плане «дежурного факта», а в обостренной пассивности поэтического чувства, открывающего оглушающую окончечность бытия.

Это чувство нашло свое отражение в обширной элегии кёнигсбергского поэта Симона Даха (1604—1659) «Плач об окончательном упадке и разрушении музыкальной тыквенной хижины и садика от 13 января 1641 года», ставшей важнейшим документом «архива судьбы» Кёнигсбергского поэтического кружка и всего кёнигсбергского барокко. В названии элегии, написанной александрийским стихом, содержится ясное указание на садик и летний домик поэта и музыканта Генриха Альберта, пожалованный ему в начале 1632 года городским Советом Кнайпхофа — одного из трех городов Кёнигсберга XVII века. Именно в этом садике на берегу реки Прегель собирались друзья Альберта, называя тыквенной беседкой, или хижинкой, поводом для чего было символическое совпадение эмблематики «тыквы», аутентично отражающей главную идею барокко, и того, что в своем садике Альберт посадил именно тыквы. Нет точных указаний на то, когда и где Альберт и Дах впервые «столкнулись» с «тыквой». Однако в ученой среде XVII века разнообразные эмблематические каталоги были само собой разумеющимися источниками риторических образов эпохи позднего гуманизма. Библейская эмблематика «тыквы» была усилена и развита культурно-филологической традицией, которая в XVI веке нашла свое отражение в книге Андреаса Альциата «*Emblematum liber*». Эта книга — своеобразный учебник образной топики начала Нового времени, в которой особое место в системе образной знаковости начинает занимать именно эмблема. «*Emblematum liber*» открывает для художественной культуры новый тип образно-поэтического означивания — эмблематический, знаменующий, безусловно, парадигмальный переход от символической образности Средневековья с его трансцендирующей дейктичностью к аутоцентрической семиотизации, удерживаемой, однако, от искушений произвольной, «бесконтрольной» знаковости принципами риторического регламента. В этом специфика «эмблемы», основанной на традиции гуманистической культуры в ее классическом диапазоне, в ее отличии от произвольной стихии знаково-художественных дискурсов последующих эпох — романтизма, модернизма и т. д., в которых «риторический фрейм» был разрушен под натиском символизирующей субъективности.

В «*Emblematum liber*» с ее трехмерной композицией — изображение, девиз, описание-истолкование — содержится и эмблематическая трактовка «тыквы» с двумя ее изображениями: 1. тыква рядом с вечнозеленой елью; 2. тыква, обвивающая сосну. Первое изображение снабжено девизом *In momentaneam felicitatem* = «Коротко мгновение счастья»; второе — *Cito nata cito pereunt* = «Тыква на ели».

Дидактическое истолкование изображений в поэтическом переводе с латыни гласит:

Рассказывают, будто как-то раз
Уж больно пышно тыква разрослась.
Приблизившись к высокой стройной ели,
Подумала: все здесь мне надоели, —
И устремилась по еловым веткам вверх,
Чтоб превзойти красотой и мощью всех.
Добралась до вершка заветной цели,
Бесстыдно взгромоздясь на кроне ели.
Ель, посмотрев на тыкву, ей сказала:
«Счастливой гордости в тебе немало,
Но только коротко твое мгновенье счастья:
С меня тебя сорвет осеннее ненастье¹».

(Перевод автора статьи — здесь и далее.)

Не вызывает сомнения, что кёнигсбергские бюргеры, воспитанные в русле европейской традиции гуманистической образованности, хорошо ориентировались в «геометрии» риторической эмблематики, о чем свидетельствует образная структура их произведений с ее реальным «географическим центром» на Ломзе в «тыквенной хижине» садика Альберта и с ее художественно-поэтическим центром в эмблематике «тыквенной хижины» в произведениях Альберта и Даха. В этом — «кёнигсбергский парадокс»: абстрактная семантическая модель «тыквы» и «тыквенной хижины» становится наглядно демонстративной реальностью в жизни и творчестве Кёнигсбергского поэтического кружка середины XVII века. Ее типологическая инвариантность реализуется в конкретном варианте «тыквенной событийности» в «физике» и поэтике кёнигсбержцев того времени. Само изображение эмблемы «тыквенной хижины», имеющее абстрактно-схематический характер у Лукаса Кранаха, Хуана де Бория или Альциата, трансформируется в близкое к реальности изображение «тыквенной хижины» в садике Альберта и на титульном листе отдельного издания его произведения «Музыкальная тыквенная хижина».

Поэтический рай садика просуществовал 10 лет, потом был разрушен. Вид «потерянного рая» — садового участка в запустении стал поводом для элегии Даха, в которой он, согласно закону жанра, переходит от конкретного к общему, от жалобной песни по поводу недолгого счастья «тыквенной хижины» к размышлению о судьбах родины и мира. Композиционная структура элегии Даха похожа на прегольский плес, напоминая все время набегающие волны новых мотивов: она будто передает настроение Даха, стоящего на берегу реки на мес-

¹ Emblemata. Handbuch zur Sinnbildkunst des XVI. und XVII. Jahrhunderts / Hrsg. von A. Henkel; A. Schöne. Taschenausg. Stuttgart; Weimar, 1996. S. 331—332.

те запустения и печали, в котором концентрируются центростремительные волны воспоминаний и размышлений. Поэт начинает с вопроса-обращения к другу Альберту, спрашивая его среди запустения «тыквенной хижины» о силе и бессилии поэзии, сводя в этом вопросе реальность эмпирической смерти физической «тыквенной хижины» и ценность поэтической «тыквенной хижины» Альберта для потомства. Что сильнее и реальнее — эмпирическая реальность физической объектности или поэтическая реальность «небесной субъектности»? Запах затхлого запустения разрушенного садика или «вкус и запах неба», на которых «заквашена» поэзия?

Waß grawen seh ich doch? herrscht hie nun Schlam vnd Wust,
 Mein Albert? stundt allhie dein Gärtchen, dessen Lust
 Wir brüderlich verknüpfft vnß zu gebrauchen pflegen?
 Hat diese Wüsteney die schöne Frucht getragen?
 Die bloß nach Ewigkeit, vnd vnserm Himmel schmeckt
 Vnd bleibt, wenn vnß daß Grab schon tausentmahl bedeckt,
 Dein Kürbes-Hütten-Werck?²

Что вижу я, мой Альберт? — труху и пустоту:
 В то место, где был праздник, Бог поселил тоску.
 Здесь садик твой резвился, нас в радость заманив,
 Здесь вечность коротали среди библейских тыкв.
 Каков на вкус и запах плод дружбы и труда?
 Есть в нем закваска неба? Сильнее, чем года?
 Заглянет ли потомок в твой тыквенный приют?
 Или травой могильной все песни порастут?

Далее Дах отдается воспоминаниям счастливого начала садика Альберта, описывает его устройство, и все это подробно, со смакованием деталей: своеобразные «кёнигсбергские Георгики». Затем он упоминает друзей, которые наслаждались пребыванием в садике: одного из основателей Кёнигсбергского поэтического кружка, члена Городского совета Роберта Робертина и его жену, чиновников курфюрстской канцелярии в Кёнигсберге Георга Блума и Иоганна Фаульйоха вместе с женами... Все воспоминания Даха будто проникнуты теплым летним солнцем, в лучах которых садик Альберта становится «мимезисом» Эдема: природа еще узнается как внятный «текст Бога» с преформированными гармониями, в которых поэтическая душа находит прибежище, возвращаясь в «космоцентрический сад» божественных «эйдосов». Однако бюргерское сознание поэта открывает в воспоминаниях о «тыквенной хижине» не только «природный рай» = «рай-фюсис», но и «рай-техне», «рай цивилизации», что отражено в социально-экономических мотивах элегии: мимо садика

² Simon Dach und der Königsberger Dichterkreis / Hrsg. von A. Kelletat. Stuttgart: Reclam, 1986. S. 54. В дальнейшем: **Kelletat**.